

Дневник мамы

Виктория Карелина

Виктория Карелина

Дневник мамы

«Автор»

2024

Карелина В.

Дневник мамы / В. Карелина — «Автор», 2024

Книга о жизни девочки в годы Советской власти и во время Великой Отечественной войны. Повесть дает возможность читателям узнать о жизни людей ввремя коллективизации, репрессий и второй мировой войны. Книга написана в форме воспоминаний, о времени, когда помощь и взаимовыручка людей, объединенных общей всенародной бедой, помогала выживать в труднейших обстоятельствах.

© Карелина В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Родители	6
Мамы нет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктория Карелина

Дневник мамы

Родители

Повинно в этом раннее сиротство
Иль, может в том есть и моя вина,
Не уточнила с дедами я сходства,
Прапрадедов мне темны имена...
В одном лишь не могу я усомниться,
Все родичи мои – спокон веков!
Гатили топи, сеяли пшеницу
И Русь обороняли от врагов...
Ни в летописи. Ни в громкие былины,
Он не был вписан,
Мой безвестный род.
Но он уходит в тот массив глубокий,
Название, которому – народ!
Л.Татьяничева

Псковская земля – уникальный, единственный уголок России, где еще остались в чистом виде традиции славянского народа – кривичей.

Даже названия деревень, поселков, городов в большинстве своем не изменились за многие века прошедшей истории. Это – Беженцы, Усвяты, Дедовичи, Невель, Опочка, Остров, Врев и др.

Много героических дел совершилось на Псковской земле за ее многовековую историю. Псковичи всегда были мужественными воинами и тружениками. Дстойно встречали недругов на ледовом побоище, и при нашествии фашистских орд. Псковичи защищали честь своей Родины и право на жизнь для себя и для своих потомков.

Есть на Псковщине река Великая. С левого и правого берегов в нее впадает много речек и ручьев. Великая – главная река Псковской земли. Издавна, может быть с 6-7 веков нашей эры или еще раньше, поселились здесь славяне – кривичи. Постепенно обживали они землю, защищали ее от набегов недругов. Берегли свою землю «как зеницу ока», украшали городами и посадами.

Уже в 8 веке известен был главный посад этой земли – Плесков – Псков. От него расселились кривичи в разные стороны. Границы Псковской земли соприкасались с другими землями и народами: эстов, латышей, литовцев. Граничили кривичи с полочанами, словенами, вятичами.

На границе с Латвией в маленькой псковской деревне Киренки, недалеко от впадения рек Лжи и Утрои жил мой прадед Максим. Река Утроя несет свои воды в реку Великая, а та – в озеро Псковское.

По сей день живет в народе сказ о двух сестрах – Утрое и Лже. Передается он от поколения к поколению. Слышала о нем и я.

Говорит он вот о чем.

В Латышской земле было болото. Оно было большое, глубокое и непроходимое. Две дочери росли у болота – Утроя и Лжа. Жалело болото своих дочерей, оберегало их и запрещало подходить к краю твердой земли. Не хотело болото, чтобы дочери увидели зеленую траву, деревья, солнышко.

Болото говорило своим дочерям:

– Не выходите на берег, а то солнышко высушит вас и ничего не останется. Подумайте, как же я, старое болото, буду жить без вас. Пожалейте меня. Если не слушаете, всем будет плохо.

Сестры были молоды, говорливы, им надоело жить в болоте. Но они слово дали матери, что не оставят ее, будут помогать ей крепить болотную мощь.

Прошло время. Сестры стали совсем взрослыми. Навалилась на них тоска и кручина. Они все чаще и чаще приходили к краю болота смотреть на берег, зеленую траву, лес и луга. А солнышко, если приходило с ними встречаться, очень радовало сестер. Они тогда одевались в нарядные платья и каждая струйка воды блестела всеми цветами радуги. Большой радости, чем встреча с солнышком, они и не знали.

“Ой, как хорошо!” – говорили сестры и отдавали свою благодарность зеленым лугам, лесам и солнышку.

Долго сестры помнили данное матери обещание и возвращались в свои болотные замки. Но скоро им опять становилось грустно. Они ждали часа, когда можно будет встретиться с берегом, с солнышком, с зеленой травой.

Вот однажды, рано утром просыпается Утроя в своем дворце и видит, что сестры Лжи нет. Заметило пропажу и болото. Сразу догадалось, что Лжа убежала из дома, нарушила свое обещание, не послушала мать. Плача и причитая, болото посылает в вдогонку дочь Утрою и велит вернуть домой обманщицу.

В тот же миг Утроя вышла из болота и потекла за сестрой. Быстро догнала ее, стала уговаривать вернуться. Но Лжа и слышать не хотела об этом. Старалась преодолеть разные препятствия: горы, пригорки, заливные луга, леса, чтобы подальше уйти от сестры и не слушать ее упреков и уговоров. Скоро беглянка истратила свои силы, стала течь медленнее и не сумев преодолеть очередное препятствие, влила свои воды Утрою.

Утрое понравилось быть свободной рекой. Она не захотела возвращаться в болото, впереди было столько неизведанного и интересного. Сестры договорились идти дальше вместе.

Так и текут они по сей день, несут свои воды в реку Великую.

Болото очень страдало, ему было трудно сохранить без дочерей свои силы. Оно стало меньше в размерах. Появились в его пойме небольшие островки. Их стали посещать люди. Как-то рассказало болото людям о своей беде. Люди одну из дочерей называли – Утроей (Утренняя река), а другую Лжой. Так и сейчас зовут эти реки.

Лжа – река небольшая, но сильная. Вода в ней черная, течения как бы не заметно. Она как будто стоит на месте. Зовут ее коварной рекой. Много в ней разных водоворотов, ям. Берега реки неровные, размытые, но интересные.

В Утренней реке, Утрое, вода светлая, течет быстрее, по ровной местности, весной разливаются, выходит из берегов, тогда шутить с нею опасно.

Долго реки Лжа и Утроя текут почти параллельно друг другу, а потом Лжа впадает в Утрою.

Это моя Родина. Она часто снится. Мне кажется, что лучше, красивее, приветливее больше нет уголка на земле.

В нашей местности люди передавали легенду, что один из предков моего отца был очень богат. Жил в деревне Гривы. Имел невоздержанный характер – гулял, задавал пиры, чем-то провинился перед начальством и был лишен чинов и богатства. Потомки его стали крестьянами, имели небольшие наделы земли, обрабатывали ее и этим жили. В наследство от отца мне досталось Евангелие, изданное до революции, где на первых страницах написано – Максим Максимов. Не прадед ли мой Максим писал это своему сыну Егору, а тот передал его моему отцу.

Отец мой родился в 1892 году в Псковской губернии, Островского уезда, Рубиловской волости, в деревне Киренки, в семье крестьянина Егора Максимова. Семья была очень большая. У бабушки родилось 13 детей, из которых только семь человек остались живы.

Старшему сыну, Федору Егоровичу, в 1892 году был 21 год, а младшему, Ивану Егоровичу (моему отцу), был один день.

Вовремя Столыпинской реформы дед мой с семьей был выселен из деревни на хутор. Хутор им достался на болоте, где жили медведи и волки.

Все ругали это место, потому что, на этой земле не рос хороший урожай хлеба и картошки. Земля была болотистая, заросшая кустарником, но такая дорогая для меня.

Построил дед избу в три окна, с темными сенями, задним и передним крыльцом. Крыльцо с высокими ступенями. Позже, через 15 лет, построили еще одну избу, такую же, но без сеней. Строили из бревен, срубленных здесь же. Дед рассчитывал, что у него два сына и каждому нужен свой дом.

Рассказывал мне мой отец, что, когда рыли подвал под избой, на большой глубине нашли глиняный горшок, а в нем много серебряных монет времен Ивана Грозного. Дед сдал его в музей и получил за это деньги, которыегодились для строительства. Как попал этот сосуд в необжитую местность – трудно сказать. Иван Грозный вел в этих местах долгую Ливонскую войну. Клад, по-видимому, остался здесь после нее.

Эти древние места давно были обитаемы. Селились на них русские люди, часто испытывали горе и нужду от недородья, бедной природы, многочисленных войн. Так как богата эта земля, только болотами, да лесом.

Недалеко от нашего хутора раскинулись большие помещичьи усадьбы – Лосевых, Голубовых и еще чьи-то. Имена располагались в километрах пяти друг от друга, и все окрестные деревни принадлежали этим помещикам. Дома землевладельцев размещались в красивых местах, на берегу речки Утрои.

Люди говорили, что имения эти были очень живописны, с красивыми большими садами и мраморными лестницами, спускающимися к реке. До моей сознательной жизни они не сохранились, их разрушили в революцию, а хозяева сбежали за границу. Земля эта теперь принадлежит государству.

Семья моего деда сеяла в основном лен, так как хлеб на этой почве родился плохо, и его садили лишь для того, чтобы можно было прокормиться. Бывало так, что хлеб совсем не родился, тогда лен выручал. На урожай льна была вся надежда семьи.

Недалеко от дома были вырыты неглубокие прямоугольные мочила (пруды), в которых мочили лен, потом расстилали его по полям, сушили на солнышке. Он отбеливался и становился мягче. Работы со льном было много. Трепанный и чесаный лен возили далеко, даже в Польшу и Германию. Продавали там, получали деньги на жизнь. Почвы болотистые, подзолистые требовали удобрений, а их в большом количестве взять было негде. Часто, на вырученные от продажи льна деньги, покупали зерно.

Лен для продажи дед возил по санному пути зимой в Латвию и Польшу. Продавал его там и покупал все необходимое в хозяйстве. Привозил много гостинцев внукам и домочадцам, приезжал домой навеселе, горланил старинные русские песни на всю округу. Больше всего дед любил песню «Гром победы раздавайся». Когда он пел, все в доме затихало и прятались.

Дед не был буяном, но никто не хотел с ним связываться, когда он был во хмелю. Самым излюбленным его ругательством было: «Ах ты рог кривой»! Он очень часто повторял эти слова на своих близких, в поле, на работе, ругал так скот, использовал в разговоре с людьми.

Земляки прозвали его «Рог кривой», а потом стали звать Рогов. Старший сын Федор Егорович, не признавал такого прозвища и обижался, когда его называли Рогов. Не любила это прозвище и я. Меня в детстве сверстники дразнили: «Рог, да рог»! Но как бы то ни было, кличка утвердилась и стала нашей фамилией.

В своих ругательствах дед Егор щадил только жену Федора – тетю Настю. Он любил, уважал ее и слушался. Только она умела уговорить и успокоить его.

В 1912 году моего отца, Ивана Егоровича, призвали в царскую армию. Дед Егор отдал управление хозяйством сыну Федору, а сам доживал свой век в его семье, помогал растить внуков. Умер дед Егор в 1923 году. Мой отец приезжал из армии его хоронить.

После смерти деда, хозяйство досталось старшему сыну Федору Егоровичу. Он был трудолюбивым, хорошим хозяином, но большим частником и все хотел разбогатеть, а поэтому был жадноват, немногословен, непонятно, что у него было на сердце или сердца совсем не было, а была голова, да руки. Он работал день и ночь и заставлял работать всю свою семью. Жалел только свою жену, которую очень любил и берег. Она вела домашнее хозяйство и воспитывала детей.

Жена Федора Егоровича была взята из батраков. Тетя Настя была очень опрятна, чисто-плотна, хорошая стряпуха и рукодельница. Умела вязать, прясть, ткать, кроить, шить одежду для семьи, так как всего этого не покупали никогда. Было у них четверо детей: две дочери – Анна и Евдокия и два сына – Иван и Михаил. Евдокия – моя двоюродная сестра стала моей крестной матерью.

Анна вышла замуж в Латвию, а Евдокия была выдана замуж в свою же деревню за батрака Степана Тарасова. Родители были против замужества Евдокии, так как Степан был бедным и ленивым малым, бегал «по девкам», как говорили люди, и соблазнял их. Девушкам он нравился. Евдокия влюбилась в Степана, оказалась беременной от него.

Этим обстоятельством Евдокия поставила родителей перед фактом, и они вынуждены были сыграть свадьбу.

Степан думал, что родители жены состоятельные люди и дадут за Туней богатое приданое. Он будет жить безбедно, не работать. Но этого не случилось. Дядя Федор был прижимистый и рачительный хозяин, поэтому приданое дал скромное.

Степан Тарасов сыграет в жизни нашей семьи самую подлую роль.

Отец мой был грамотным, окончил церковно-приходскую школу. В то время это считалось большим достижением, так как большая часть населения страны была безграмотной. Учился отец хорошо. Но был дерзким учеником, особенно с попами. Однажды, на уроке закона божьего, он вплеп одной девочке в косу палку и этим расстроил весь класс на молитве. Поп наказал его линейкой по голове и заставил при всех кричать: «Жениться хочу...» Ребята в классе смеялись и звали его потом «Жених».

Интересный случай был в его жизни перед армией в 1912 году. Отец ездил в Толковскую волость и там к его линейке (легкой тележке) подбежала девочка лет восьми и попросила подвезти ее. Он довез ее до дома и долго смотрел вслед, пока она бежала через сад.

В 1922 году эту девочку Анну мой отец встретил взрослой, красивой и смелой девушкой.

Анна Андреевна Титова (моя мама) родилась в богатой семье бывших купцов. Родители ее очень любили, она была единственной дочерью в семье. У нее было два брата. Когда Анна подросла, ее учили в местной школе, потом в гимназии. Детство и юность протекали в благополучии, довольстве и достатке.

Анна Андреевна хорошо рисовала. Обрывки ее рисунков мы находили в доме отца, будучи уже сиротами.

Судьбу Анны Андреевны определила революция. Она душой приняла все новые идеи, была очень активна, грамотна, весела, задорна, неплохо пела, танцевала, жила, не зная никакой печали, работала в Толковской школе, учила детей и взрослых. Работала с удовольствием и творчески.

В 1922 году мой отец был назначен председателем волосного Толковского исполкома. Состоялась встреча моих родителей. Он – коммунист, большевик, представитель Советской власти.

За плечами отца гражданская война, служба в Красной армии, партийная работа, комиссарство в полках, работа в Петербурге и Москве, борьба на фронтах с Колчаком и Деникиным.

Анна Андреевна – сельская учительница, симпатичная, светлая, маленькая девушка, дочь зажиточных родителей, уважаемых во всей округе.

Оба грамотные, активные люди, оба за новую жизнь.

Появление молодого эрудированного человека, стройного, красивого, повидавшего жизнь, не осталось незамеченным для молодой учительницы.

Иван Егорович проводил в жизнь законы Советской власти. Анна Андреевна работала вместе с ним, одобряя и поддерживая новые идеи.

Иван Егорович, безусловно, был первым человеком. К нему шли люди за разрешением любого вопроса. Он решал их, как подсказывало ему понимание новой жизни. Наверное, он не обижал ни бедных, ни зажиточных людей, на которых сама революция определила гонения. Иначе он не был бы исключен из партии и репрессирован в тридцатые годы.

С лета 1921 по 1922 он жил и работал в деревне Толково. Ему шел тогда 30 год. Надо было думать о семье, строить свой дом. Войны к тому времени все закончились, восстановился мир.

Они встречались каждый удобный случай. Моя мама полюбила отца искренне, чисто, нежно, первый раз в жизни.

Она была молода, активна, грамотна, обворожительна в своей неповторимой внешности со светло-русыми волосами, серыми задумчивыми глазами. Маленькая, аккуратная, с хорошо сложенной фигурой. Строгая, интеллигентная девушка увлекла моего отца в невиданные, глубокие дали любви. Никакая практическая, материальная сторона для них не существовала. Они хотели жить вместе, быть всегда вдвоем, не думая ни о чем больше.

Отец мамы – Андрей Иванович Титов, купец второй гильдии, к этому времени умер. Осталась вдова – Марфа Матвеевна с тремя детьми. Все имущество Марфы Матвеевны конфисковали. Остался только дом и богатый большой сад. Кое – какие вещи, украшения и золотые деньги бабушка припрятала на “черный день”.

Анна восторженно встретила революцию. Она слыла настойчивой и смелой, ей нравилось все новое и справедливое. Она верила в светлое будущее и как могла приближала его. Но не приученная с детства к тяжелому труду в крестьянской семье, она не понимала, что неблагодарный труд из-за куска хлеба может погубить ее, что он задавит в ней все хорошее, нежное, красивое, ее мечты, ее любовь к природе, искусству и даже к жизни.

В 1922 году Иван Егорович попросил руки Анны у ее матери.

Марфа Матвеевна сказала, что дочь еще молода, если он будет ждать год, тогда она посмотрит, а затем сердито добавила: “Не пара она тебе!”

На самом деле Марфа Матвеевна и не думала выдавать дочь за коммуниста – «красного петуха», как она его называла. Все время бранила и ругала дочь до за то, что та слышать не хотела о других женихах.

Марфа Матвеевна ругалась:

– Не бывать этому замужеству, пока я жива, чтобы ты стала нищей, «красной», чтобы ты связалась с этим «красным петухом!»

Но Анна думала настоять на своем. Молодые люди встречались, ждали окончания завещанного года, чтобы опять обратиться к матери невесты.

Они очень любили друг друга, а революция дала им право на свободу и равенство. Ослушаться родителей и жениться без родительского согласия тогда никто не мог. Люди были духовно богатыми, почитали взрослых и тем более родителей.

Прошел год. Отец вторично попросил руки Анны. На сей раз Марфа Матвеевна наотрез ему отказала. Это опечалило влюбленных. Они договорились пожениться без согласия матери. Поэтому как не бесновалась Марфа Матвеевна, но Анна ушла к моему отцу тайком.

Было лето, приближался праздник – Троицын день. В этот праздник организовывались ярмарки в больших деревнях. Такая ярмарка была организована в деревне Пашковка, что в двух километрах от нашего хутора. Отец предупредил брата, что приведет в дом жену, чтобы они готовились.

На ярмарку приехала моя мать. Днем влюбленные обвенчались в церкви, а вечером отец пришел в дом Федора с мамой. Анна пришла в том, в чем была на ярмарке.

Когда Анна не вернулась домой, Марфа Матвеевна догадалась, что дочь ушла к Ивану. Она написала дочери бранное письмо и пригрозила, что не даст ей приданного: “Пусть как ушла, так и живет. “

Молодых не очень это расстраивало, они сами как –нибудь заведут свое хозяйство. Отец и словом не обмолвился, что ему что-нибудь надо.

Встретила Анну семья брата не очень приветливо.

В доме дяди Федора хозяйкой была тетя Настя. Семья была большая – трое взрослых и четверо детей. Восьмым членом семьи стала моя мама. Условия жизни для нее в доме дяди Федора были намного хуже, чем у родителей.

Анне Андреевне было горько, обидно и скучно, но рядом был любимый человек, и это украшало ее жизнь.

Тетя Настя говорила нам потом, что наша мать была неженкой, не умела выполнять крестьянскую работу, а мечтала работать в школе, учить детей.

“Да кто за нее стал бы что-то делать по хозяйству? Революция отменила прислуг!» – говорила тетя Настя.

Невестки не совсем понимали друг друга. Тетя Настя вряд ли могла уступить часть своего хозяйствования. Ее все слушали. Она была непререкаемым авторитетом для всех членов семьи.

Совместная жизнь моей матери с семьей дяди Федора была недолгой. Братья разделили имущество. Федор взял себе новую избу и перестроил ее за два километра от нашего хутора. Старый дом оставил моему отцу. Отец говорил, что брат обидел его в дележе, но претензий к Федору не предъявлял.

Так мама и папа остались вдвоем. Им принадлежало семь десятин земли, изба, построенная дедом Егором, две коровы и старый конь.

Конь Сивко был настолько стар и упрям, что в упряжке бил ногами по телеге или саням, после чего их приходилось ремонтировать. Одна из коров лягалась и при дойке молоко выливалось на землю. Другая корова – маленькая, смирная, ласковая Коза, так ее называли за небольшим ростом, давала очень мало молока. Парное молоко Козы было для нас самым большим лакомством.

На плечи мамы легло все хозяйство. У бабушки в доме она этого не делала, не умела, не была приучена. В доме ее матери все делала прислуга и работники. Но жили молодожены дружно и хорошо.

Говорят, что родители бывают самыми красивыми и лучшими. Отец мой был высокий, стройный с карими небольшими, но красивыми глазами. Волосы черные, росли на голове густой шапкой, состоящей из крупных завитков. Правильные черты лица, красивый небольшой рот, нос с горбинкой придавали лицу особенное благородство. В год женитьбы ему было 32.

Мама – среднего роста, очень тоненькая, с косичками, в которые она вплетала ленты. Волосы прямые, густые, светлые, большие серые глаза с длинными ресницами смотрели печально. Лицо очень серьезное, но вместе с тем с каким-то милым, детским выражением, с большой одухотворенностью и благородством. Она была еще хрупкой девочкой. Ей было тогда 20 лет.

Промелькнула, как лучик солнышка, прекрасная, обновленная революцией, юность моих родителей. Началась серьезная взрослая жизнь, заполненная работой.

Сейчас революцию подвергают всякой ревизии и больше дают плохие оценки. А тогда она была благом для большинства людей, вековой мечтой для народа и мои родители попали в самую ее гущу, в самый неповторимый всплеск человеческих чувств и преобразований. Никто тогда не мог предположить во что она обернется. Родители жили, мечтали, любили, работали, переживали различные трудности. Мама ждала ребенка. Отец как мог, оберегал ее от тяжелой работы

Родители должны были наладить бедное крестьянское хозяйство. Работали с утра до темной ночи в поле, а дома их ждали две коровы и нетопленая старая изба. Жизнь их была – беспроектный труд, тяжкий, изнурительный, невозможно было думать ни о чем другом, кроме труда.

Очень скоро моей маме пришлось отказаться от своей мечты быть учительницей, читать книги, рисовать и даже мечтать. Она должна была косить, жать, копать, полоть, пахать, а дома доить коров, кормить отца, мыть полы, стирать белье, работать на ткацком станке, вязать теплые вещи, прясть нити из шерсти и льна и выполнять еще много других обязанностей.

Это надо было делать, ибо желудок требовал пищи, а человеческое тело – одежды и обуви. Все производилось дома в этом сложном, почти натуральном крестьянском хозяйстве. Маме моей было невыносимо трудно.

Боже мой! Как было ей трудно! Но она не помышляла уйти от отца, хотя бабушка готова была принять ее обратно. Маме было трудно еще и потому, что она потеряла всякую связь со своим домом, детством, с теми местами, где она родилась и выросла, где училась и где жили ее сверстники. Бабушка, как бы забыла, что она существует. Не подавали никаких вестей и другие ее близкие. Она была одна, только с моим отцом. А он бывал иногда к ней не только невнимательным, но даже жестоким. Он любил ее, но труд и дело, которое висело над ними, ожесточали его. Мама все делала, как умела, старалась научиться тому, чего не умела. На все это нужно было время и труд.

Но вот прошло около года и первого апреля 1926 года родилась дочь.

Этот день называется в народе обманом. Наверное, и в рождение девочки тоже никто не верил, мол, обманывает Иван всех, ведь сегодня первое апреля.

–Что у Ивана и Анны дочь родилась? – спрашивали соседи.

Старухи скрипучим голосом предсказывали:

–Правда, правда, сегодня первое апреля. Наверное, плохо будет девчонке жить, все время обманывать будут. Да ведь, что теперь, ведь не вернешь обратно. Уж есть человек на свете.

Родители были довольны, они не замечали, что первое апреля сегодня, и не обращали внимание на то, что говорят в народе. Они радовались первой дочери, радовались, что вся семья здорова.

Девочка родилась в избе с бабкой повитухой. Больница была далеко, да и не верил в медицину народ. Веками так рождались дети и в этом ничего не было странного.

А на дворе была ужасная слякоть. Снег превращался в кашу. Реки вздулись и грозились сорвать все мостки. Лед рек ломался и несся с большой скоростью вниз по течению, угрожая снести все на своем пути. Прекратилась всякая связь между населенными пунктами – и санная, и на телегах, и пешая. Весна была дружной и ранней. Это радовало людей, которые рассчитывали на хорошую пахоту и сев, а это было главным в их жизни.

Родители сокрушались:

– Как же теперь крестить новорожденную? Нельзя проехать в церковь, придется ждать восстановления дорог.

–Ах, какая неприятность,– причитала бабушка Марфа Матвеевна, качая головой, – грех то какой. Уж и впрямь девчонка несчастливой уродилась.

К этому времени она стала лояльнее относиться к молодым и иногда их навещала.

Отец молчал, он не беспокоился о крестинах. Он считал это дело глупостью. В бога не верил и жену свою Анну старался разуверить в религии. Теще Марфе Матвеевне пытался возражать. Но она была женщиной старой закалки, упрямой, настойчивой, властной и старалась соблюдать старые традиции.

Крестили меня в Дубовицкой церкви. Крестным отцом был мамин брат – Александр Андреевич, а крестной матерью была моя двоюродная сестра Евдокия Федоровна – дочь дяди Федора. Назвали меня Ираидой, хотя, как говорил мой отец, вокруг имени было много споров,

но мама настояла на своем. Так с этих пор я стала гражданкой СССР – Ираидой Ивановной Роговой.

Родители мои были рады моему рождению, но сколько дополнительной работы стало у них. Особенно вся работа, связанная с моим появлением, свалилась на мамины плечи. Все это сказалось на ее здоровье. Мне было полтора месяца, когда она заболела, и ее положили в больницу. А меня оставили отцу. Отец кормил меня из коровьего рога молоком. Потом люди говорили, что я искусственно вскормленный ребенок.

Отцу досталось. Но он был очень сильным, волевым и здоровым человеком, поэтому все успевал.

Мама пролежала в больнице около трех месяцев и вернулась домой слабенькой и болезненной. А хозяйство требовало сеять, косить, обрабатывать лен, выполнять еще тысячи дел, а еще маленький ребенок, который не оставлял ее ни на одну минуту, даже когда она спала.

Рассказывали мне потом люди, что моя мама меня очень любила. У меня были белые чистые пеленки, хорошенькие распашонки, белые кружевные пододеяльники, а когда я стала старше меня наряжали в хорошенькие платица.

К этому времени бабушка стала навещать наш дом. Отдала маме все, что принадлежало ей, подарила маленького жеребенка, так как у отца был единственный серый конь Сивко, который плохо работал и лягался в упряжке. Конь Сивко был старым и, если бы он погиб, то хозяйство оказалось бы безлошадным.

Отец мой часто ездил в город со льном или по другим делам и всегда привозил много гостинцев мне и маме. Никогда не приезжал пьяным. Всегда был подчеркнуто серьезным, опрятным, стройным, носил крытое пальто серого цвета с каракулевым воротником и украинскую папаху из такого же меха.

Часто выступал перед народом, призывал укреплять завоевание революции. Они вместе с мамой читали Маркса, Энгельса, Плеханова и другую литературу.

В нашем доме было много разных книг, я находила книги в нашей избе и играла с ними. Отец рассказывал о Марксе, Энгельсе, о географии и других людях. Я с интересом рассматривала картинки в этих книгах.

Это были годы Нэпа. Проводилась работа по коллективизации крестьянских хозяйств. Страна – огромная и нищая, вставала и строилась.

Сколько было борьбы нужной и необходимой. Но много было допущено ошибок, перегибов тупых и глупых, от которых страдал простой народ. В стране сплошная неграмотность, отсутствуют средств связи. Нет радио, газет, журналов и др. Люди слушали тех ораторов, кто говорил. А говорили они по-разному об одном и том же. Это было трудное время, но вместе с тем – время перемен. Это было начало новой жизни.

Всю свою жизнь мой отец прожил честно, не предал никого. Он любил свою страну, свой народ, любил труд. Даже будучи глубоким стариком, труд для него был источником радости, ибо другой радости он получил немного. Жизнь его прошла в сложных условиях, но он сохранил человеческое сердце, ясный ум, деловую принципиальность, мужскую настойчивость и строгость к себе и ко всем окружающим.

Сестренка

Летом 1927 года в нашей семье родился еще один ребенок. Ждали мальчика, особенно этого хотел мой отец. Но родилась вторая девочка. Отец был несколько разочарован, но что же поделаешь, появился новый человек. Сестренка моя была моложе меня на один год и три месяца. Назвали ее Зоей. Не знаю, кто придумал ей такое имя, наверное, мама. Она родилась в больнице, и мама полтора года кормила ее грудью. Зоя родилась с черными кудрявыми волосками и карими глазами. Потом, когда она подросла, отец очень любил ее, у него были какие-то особые чувства к ней. Я все время завидовала ей и немножко ревновала к отцу.

С появлением второго ребенка маме стало еще тяжелей. Отец приглашал бабушку пожить с нами немного, но она отказалась, приходила навещать и немного помогала матери. Отец не брезговал никакой работой: доил корову, пек хлеб, стирал пеленки, мыл полы, делал другую работу по дому, но ее было слишком много, они с мамой не успевали все переделать.

К этому времени отношения отца со всеми Титовыми наладились. Отец хорошо относился к братьям своей жены, очень уважал Василия Андреевича, а об Александре Андреевиче говорил, что он очень умный и порядочный человек и всегда был ему рад.

Бабушка давала нам фруктов со своего сада, приносила вкусные пироги с яблоками и ягодами. Когда бабушка приходила, в доме было радостно и весело. Но с отцом она часто ссорилась по разным причинам. Видимо, ей хотелось хозяйничать так же, как в семье Александра, ее сына. Отец слушал тещу, а делал по-своему.

В нашем доме появилась швейная машинка, приличный одежный шкаф и буфет, две деревянные кровати и даже несколько стульев вместо лавок.

Бабушка вносила в наш дом какую-то свою культуру и старалась опрятно прибрать наше жилище и покрасивее одеть нас. Она помогла отцу завести хорошее хозяйство, подарила пару ягнят, легкую тележку и какую-то сельскохозяйственную машину, кажется косилку.

В доме росли две девочки и называли их двойняшками, так как Зоя на третьем году своей жизни по росту сравнялась со мной. Мы были похожи друг на друга лицом, только у меня были прямые волосы, белые как солома, и широко открытые серые глаза. Я была маленькая, бойкая, юркая и непоседливая. Я походила на маму.

Зоя была полная противоположность: с черными, как воронье крыло, кудрявыми волосами, карими глазами, крупного телосложения. По характеру она – тихая, медлительная, спокойная девочка. Все окружающие любили ее. Она больше походила на отца.

Как я ее помню, она всегда первой встречала отца, сидела у него на коленях за обедом или ужином, всегда получала любые гостинцы первой, чем вызывала мою ревность. Родные объясняли это тем, что она была маленькая, а я большая.

Говорят, что мама любила больше меня и всегда защищала, если я шалила. Я была очень дерзкой, умела быстро схватывать все, что говорили взрослые, и особенно забавно было то, что я умела подражать, копировать походку взрослых людей, их смех, разговор и поведение.

Этот период был самым счастливым в нашей жизни, но он оказался таким коротким.

Мама наша все чаще стала жаловаться на усталость и общую слабость. Отец не обращал на это внимание. Бабушка не могла, а, вернее, не хотела помочь ей. Время проходило, для моей матери без сна и отдыха в тяжелом изнурительном труде, подрывало ее силы и здоровье.

В это период был арестован брат мамы Александр и находился он в волостной тюрьме. Мама очень переживала за его судьбу и ходила осенью, в слякоть, навещать его за 25 километров. Возвращалась вся промерзшая и мокрая, подолгу не могла согреться и успокоиться.

Так время и те ужасные условия, которые сложились у нашей семьи, делали свое грязное и преступное дело, которое остановить или даже задержать никто не мог. Условия и нечеловеческий труд усугубились еще тем, что в какой-то год был большой град. Он выбил все посевы, урожай не собрали. Пришел голод. Я помню, что ели жмых от перегонки льняного масла и всякую другую пакость. Все это уложило мою мать в постель, с которой она не могла подняться. Впоследствии доктора признали туберкулез. Надежды на выздоровление не осталось. Отец ходил как «в воду опущенный», все валилось у него из рук. В доме воцарилось уныние и какая-то мертвая тишина, нарушаемая только нашими шалостями.

Мы росли и ничего не понимали, были слишком малы и требовали забот, в которых нуждаются все дети в нашем возрасте. О нас заботились, как могли. Мама болела, лежала в постели. Моя сестренка уже ходила. Я с ней играла, и мы ни разу не подумали, что мешаем больной матери и что у нас ее скоро не будет.

О!!! Если бы это случилось несколько позже! Сколько бед можно было избежать! Кто жил сиротой, тот знает, какая это трудная жизнь. Сиротство оставляет неизгладимый, глубокий след на всю жизнь.

Мамы нет

Была поздняя осень. Шли последние дни ноября. Осень в наших местах бывает затяжная и мокрая. Неделями идут дожди. Бывает так, что дождей нет и солнца не видно. По небу плывут тяжелые серо-черные тучи и кажется, что они всей своей громадой упадут на землю и задавят все живое. Или месяцами моросит мелкий надоедливый дождик. Небо серое, неприветливое, все в каком-то мокром полумраке. Деревья стоят понурые, с не опавшими листьями и как-бы жалуются на природу: «Довольно, хватит нас поливать! Пусть будут морозы».

А ударит первый морозный день и обязательно с ветром. Тогда ветер становится властным хозяином всего. Земля замерзла, а ветер несет по ней кучу пыли, песка или колючего мелкого снега.

Так наступает зима. Замерзают реки. Деревья покрываются инеем. Выпадает первый пушистый снежок.

Пушкин любил осень, а я ее не люблю, не понимаю в ней красоты. Мне кажется, что осенью кончается все. Увядают цветы и деревья. Природа о чем-то грустит и сожалеет. Всегда разделяла Пушкинские строки:

«Приближалась довольно скучная пора,
Стоял ноябрь уж у двора».

Это был день именно такой, когда земля впервые после продолжительного дождя покрывалась тонким, хрупким слоем льда. Выл ветер, гнал по полям колючие мелкие снежинки. Было холодно, пасмурно и скучно.

В нашей избе отчетливо было слышно протяжное завывание ветра, а в окна как бы кто-то стучался, говоря:

–К вам идет беда! Беда большая и злая, которую не умолишь и не упросишь пощадить, и не задаришь дорогими подарками.

Мама лежала в постели тихо, только изредка вздыхала и кашляла. Ничего она не просила, не стонала, не жаловалась. Часов в одиннадцать утра она вдруг села на кровати, попросила бабушку, чтобы та послала нас к ней.

Как сейчас помню ее фигурку – маленькую, худенькую, с заплетенной сзади косой. Сидела она, вытянув исхудавшие руки. Ноги босые, маленькие, еле доставали до пола. Вся она казалась до предела настороженной и напряженной, как бы собирала последние силы, чтобы выполнить свое последнее желание.

Мы подошли к ней притихшие, встали возле кровати. Она по очереди погладила нас по головкам, поцеловала, потом соединила наши головы вместе, прижалась к ним своим холодным влажным лбом, еще раз поцеловала и тихо вымолвила:

–Идите, играйте! Растите большими и здоровыми! Помогайте друг другу! Не забывайте маму!

Мы все стояли. Она еще раз погладила наши головы и легла, чтобы больше никогда не встать.

Мы ушли, чтобы опять продолжать наши детские игры, не подозревая, что у нас не стало матери – неопенимого и никем незаменимого человека. Человека, который дал нам жизнь и сделал бы все для нашего счастья.

Отца дома не было, он уехал в город, обещая быть к обеду. Бабушка вышла во двор напоить корову, а когда пришла сразу окликнула маму:

–Анна, Анна! Ты может чего-то хочешь? Ответа не последовало.

– Анна! Ты что молчишь – громче спросила бабушка, взясь с ухватом у дверей избы. Ответа снова не было. Тогда она бросила ухват и подбежала к кровати, потрогала мамин лоб и закричала каким-то истошным страшным криком:

–Что ты наделала? Ах, что ты наделала?

Бабушка причитала, плакала, бегая по избе, а потом приказала мне одеваться. Как-то странно натянула на себя валенки, шубу и платок, повязала на меня мамину большую шаль, схватила меня за ручонку и повела из дома. Зоя осталась одна с мертвой матерью.

На улице выл ветер, гнал колючий, мерзлый снег. Порой ветер закручивал снежный столб и мне казалось, что ветер унесет меня вместе с бабушкой куда-то далеко в ледяную холодную пустыню. Я не могла открыть глаз, их сразу залеплял этот противный снежный вихрь. В глазах появились красные круги. Было очень холодно и больно, а бабушка тащила меня изо всей силы за руку. Я не успевала за ней, падала. Она ругалась, кричала, снова тянула меня за руку. Я снова падала, а она опять ругалась. Шли мы в соседний хутор к Ивановым. Бабушка шла к ним сообщить ужасную новость.

С криком и причитаниями она открыла дверь Ванюшкинского дома (так звали главу семьи) и объявила, что Анна померла:

– Помогите! Позовите людей! – причитала бабушка.

Затем мы с бабушкой шли обратно, и опять я спотыкалась и падала, а ветер все завывал, закручивая снежную пыль на дороге.

Скоро собрались к нам люди. Женщины причитали и жалели нас. А тетя Даша, наша соседка, все приговаривала:

– Девчонки, как же вы будете? Что вы не плачете? Ведь вы остались одни! У вас нет матери!

Это причитание удивляло меня, я думала:

–Почему же ее нет? Ведь она лежит в постели как прежде. Что же случилось?

Потом кто-то обмывал тело нашей матери. Я хорошо помню, как ее раздевали и одевали. Тогда она показалась мне не такой как обычно, какой-то вытянувшейся, не ласковой, но все же я не могла понять:

–Почему ее нет?

До меня не доходило, что такое смерть.

Маму одели в лучшее платье и положили в гроб, который поставили в красный угол под образа на длинную скамейку.

К вечеру приехал из города отец. Он был какой-то необычный, присмиривший и подавленный. Он не раздевался, все время ходил по избе, засунув руки в карманы, ничего не говорил, потом куда-то ушел.

Мы с Зоей сидели на печке и жили такой же жизнью, как и всегда.

Помню, что баловались, кричали, смеялись и даже пели. Я вышла на заднее крыльцо и увидела отца, опиравшегося на перила и стоявшего неподвижно. Я посмотрела на него и увидела, что он утирал лицо руками. Щеки были красные, чуть припухшее от слез. Он плакал один, без людей. Теперь я представляю, как ему было тяжело тогда. Я остановилась возле него и что-то спросила. Он тихо произнес: «Доча, иди домой!»

Народ в нашей избе делал, что требовалось, а мы с Зоей были предоставлены сами себе. Никто нами не интересовался. Все как бы забыли, что мы существуем. Потом все куда-то исчезли. Изба опустела. Мы с Зоей остались одни. В углу стоял белый гроб с нашей мамой, а под образами бабушка зажгла свечку. Нам захотелось кушать. Я пошла будить маму. Залезла на гроб верхом и стала теревить мать сначала за руки, потом за нос, потом стала открывать ей глаза, приговаривая:

–Мама, вставай! Мама, вставай! Мы кушать хотим!

До сего времени помню мертвые глаза матери. Они как бы замерзли, подернулись мутным тонким льдом.

За таким занятием застала меня бабушка и заохала:

–Ахти мне! Ахти мне! Что же это ты делаешь, негодница?

Подбежав, она схватила и поставила меня на пол, нашлепала, отправила обратно на печь. После этого мы с Зоей присмирели, сидели на печи тихо, не шевелясь.

Ноябрь кончался, он принес зиму. Все вокруг покрылось снегом. Его выпало так много, что на кладбище пришлось ехать на санях. Не помню, сколько дней была мама с нами в эти последние дни. Гроб закрыли, поставили на сани. Нас, укутанных в шубы, посадили рядом и повезли.

Отец потом говорил, что мама просила похоронить ее в той деревне, где она выросла. Отец и бабушка выполнили ее последнюю волю.

Тело матери привезли в Толковскую церковь, где провели обряд отпевания. Помню, что гроб был украшен какими-то красивыми покрывалами. а по сторонам горели свечи. Священник ходил с кадилом, махал им, а из него шел тонкий, голубоватый дымок со сладким запахом.

Наша бабка постоянно что-то бубнила, а перед концом обряда поставила нас на колени перед гробом и заставила просить, чтобы мама взяла нас горемычных с собой. Мы все говорили:

–Мамочка, возьми нас с собой! Нам без тебя плохо!

Искренне плакали, повторяя эту фразу.

Затем бабка сказала:

–Прощайтесь! – подтолкнула нас к гробу и строго произнесла:

– Целуйте мать!

Мы по очереди с Зоей поцеловали нашу маму в последний раз. Помню до сих пор холодные, как лед, губы матери. Потом закрыли крышку гроба, поставили его на сани, нас посадили рядом. Из церкви поехали на деревенское кладбище. Было много народа. На кладбище пришел наш отец, в церкви его не было.

Могила была уже готова. Гроб поставили возле нее, и бабка снова заставила нас просить, чтобы мама взяла нас с собой.

Кто-то закрыл крышку гроба. Женщины причитали. Бабка наша плакала. Затем гроб опустили в яму. Люди бросили в могилу по горсти земли. Это же заставила нас сделать бабка.

Я взяла мерзлую со снегом землю и бросила на белый, чистый гроб матери. Потом застучали заступы и вырос свежий холмик, свежая могила, где покоился самый дорогой человек – наша мама.

Пишу эти строчки через много лет, а сердце переполняется пережитым горем. Будь мама с нами, будь она жива, наша любимая, красивая, дорогая, хоть и не познанная и незнакомая мама, наша жизнь сложилась бы по-иному. Память о моей маме присутствовала во мне в самые радостные и трудные периоды жизни. Мама как – бы шла рядом со мной всегда.

Я связывала с маминой помощью, не свершившиеся со мной беды. Она меня хранила от бед и зла, давала силы жить и выживать. Мы фактически ничего о ней не знаем, но она для нас с сестрой самая красивая, самая лучшая в мире – наша мама.

После похорон, бабушка Марфа оставила нас в деревне Толково в своем доме. Отец поехал на свой хутор. Самый ближний жилой двор, от папиной избы, был на расстоянии около двух километров. Папа ночевал в своем доме одну ночь, а утром приехал за нами, сказал бабушке, что не может жить один, с детьми легче пережить горе.

Наступала долгая, выюжная, снежная зима 1932 года. У папы было единоличное хозяйство. Утром папа доил коров. Чернуха часто лягалась и выливала молоко из подойника, чем вызывала досаду отца. Коза – маленькая, спокойная, молодая корова давала мало молока. Мы часто играли с ней, старались погладить, покормить чем-нибудь вкусным, потрепать за рога. С этой коровой связано все наше детство на хуторе. Она спасла наши с сестрой жизни. Подоив коров, отец ставил подойник с молоком на заднее крыльцо, и мы с сестрой пили парное молоко сколько хотели, прямо из ведра.

Отец сам пек хлеб, мыл, стирал, работал на дворе, в огороде, ухаживал за скотом, топил баню раз в неделю, мыл нас, носил воду из колодца, трепал лен, справлял сельхозинвентарь и сбрую для лошади, ухаживал за конем.

Так мы прожили зиму. Бабушка Марфа ни разу к нам не пришла. Мы трое были затеряны в снегах прибалтийской равнины, в своем хуторском доме. Из трубы в избе каждый день шел дымок, свидетель живой жизни.

Наступала весна. Защебетали птицы, потекли ручьи, ярко светило солнышко. Мы целыми днями проводили время на улице, играли в ручейки и речки. Бремя сиротства еще не осознавалось великой тяжестью.

К нам приходили мужики из соседних хуторов, о чем-то разговаривали с отцом. Мы часто слышали слово колхоз, но не знали значение этого слова. Отец куда-то уходил, если надолго, то закрывал нас одних в доме, и мы всегда его очень ждали. Потом я узнала, что отец был организатором первого колхоза «Пограничник» в нашем краю.

Вечерами отец читал книги, которых много было в нашем доме. Папа дорожил ими, всегда говорил, чтобы мы обращались с ними осторожно, берегли, но смотреть картинки разрешал.

Помню толстую книгу, с портретом бородатого человека. Это был Карл Маркс. Запомнились книги Гоголя «Сорочинская ярмарка» и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Хорошо помню томик стихов Тараса Шевченко. Отец очень любил и ценил эту книгу, учил нас стихам из нее. Этот маленький томик Шевченко долго жил в нашем доме, даже после того, как отца с нами уже не было. С детских лет помнятся строки:

«Як умру, то поховайте мене на могиле...».

Сохранилась в памяти большая карта нашей страны. Она висела на стене между окнами. Папа часто рассказывал нам о больших городах, об огромных просторах нашей Родины, о великих реках – Волге, Енисее, Лене, Днепре... Говорил он интересно, мы ждали новых его рассказов, и он не скупился на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.